

А.Б. Перзекке

СУДЬБА РОССИИ В МАГИЧЕСКОМ КРИСТАЛЛЕ ПОЭМЫ А.С.ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

В русской литературе существует уникальное произведение, в котором сконцентрированы все смыслы отечественной истории, какой она сложилась с поворотной эпохи Петра. Это пушкинская поэма, созданная в 1833 году и имеющая подзаголовок «Петербургская повесть». В ней оказались сопряжены поэтом – историком и мыслителем тема власти и государства в её созидательно-разрушительном аспекте, тема бунта природной и народной стихии как национальная катастрофа, тема суверенного человека перед лицом страшных надличностных сил. Поэма воплотила в себе невероятно глубокое прозрение её мудрым создателем напряжённого конфликтного узла в самой сердцевине русского бытия, боль за прошлое и тревогу за судьбы Отечества в предчувствии грядущих бед. Это было замечено многими исследователями и отражало вектор её направленности. «Вся поэма как бы развёрнута на будущее, на уловление смыслов из последующей русской истории», – пишут авторы известной книги о «Петербургской повести» (1,16), не одинокие в своих наблюдениях.

Отметим, что перерастая по своему значению в культуре рамки совершенного творения изящной словесности, великое произведение в своём особом качестве и по сей день оценено не в полной мере, хотя «всадниковедение» весьма объёмно и в нём выработана многомерная исследовательская модель. Цель настоящая статья коснуться лишь некоторых граней историософского потенциала поэмы, присущего ей и постоянно прирастающего благодаря её соприкосновению с движущейся реальностью.

Если формулировать очень кратко, то «Медный всадник» рассказывает о том, во имя чего и каким образом власть перестроила национальный мир и к каким последствиям привело это грандиозное действие. Речь пойдёт о цикличности российской судьбы и о неоднократных подтверждениях в её перипетиях истинности пушкинских смыслов.

Начнём с темы бунта. В поэме впервые в русской словесности в символике потопа масштабно воплощалось катастрофическое время хаоса в национальном бытии – время утраты крова и пищи, разлук, страданий и гибели. Важно отметить, что Пушкин в своей поэме тонко изобразил две разновидности русского бунта, сыгравших, каждая по-своему и вместе, решающую роль в судьбе России.

В образе яростной водной бездны, обрушившейся на город и его жителей, откровенно проступала авторская семантика «бессмысленного и беспощадного» народного восстания, проявлялась агрессия безличной стихии, злоба, уголовщина через уподобление её поэтом, знавшим реалии пугачёвщины, злодейской разбойничьей шайке. Этот губительный потоп был

осмыслен Пушкиным как зло, отмечен его «отвращением к насильственным переворотам» (2,412).

С Евгением связан принявший в России специфические формы *бунт просвещённый*. Он носил личностный, персонифицированный характер и начинался с «мыслепреступления» – осмысления негативной сущности власти, проникновения в сакральную тайну и её десаκραлизация (слова «строитель чудотворный» явно звучат с иронией), а затем и вынесение приговора («Ужо тебе!»). Если брать генезис этого вида противостояния, то он был связан с Радищевым, декабристами, Чаадаевым, а в послепушкинскую эпоху выразился в лавинообразном развитии феномена антиправительственной русской интеллигенции и форм её бунта от идейной оппозиции до террора, направленного на носителей власти вплоть до августейших особ, партийной борьбы, руководства вооружённым восстанием. П.И.Новгородцев, известный философ, отмечал, что «русская интеллигентская мысль ставила своей основной политической задачей принципиальную борьбу с властью, разрушение существующего государственного порядка» (3).

В сцене бунта Евгений, «злобно задрожав», и будучи обуян «силой чёрной», уподобляется в этом качестве бунтовщика приступавшей к Медному всаднику стихии. В русской революции оба эти бунта – народный и просвещённый, объединились, стали осмысленной силой, и в девятом вале национального потопа захлебнулся, потерял имя своего строителя и значение как столицы город Петра. Перестала существовать выстроенная им Россия, и таким образом нашли подтверждение эсхатологические смыслы «Медного всадника».

«Революция есть малый апокалипсис, как и суд внутри истории, – писал Н.А.Бердяев. – ...В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду, но судящие силы сами творят зло...» (4). Это был пик вражды покорённой стихии к камню – того неоконченного в поэме Пушкина противостояния, завершение которого в ней проецировалось на будущее, и теперь свершившись, окончилось победой бунтующих сил.

Но на этом история не остановилась. В революционной диалектике низвергающая стихия метаморфизировала в новую власть, которая в таком случае приобретала пушкинскую семантику Медного всадника. Она начала перетворение её сложившегося мира, а значит в российской истории вновь актуализировались космогонические силы, а вместе с ними космогонические смыслы, с которых поэт начал свою «Петербургскую повесть». Национальное бытие совершило мифологический круг, и завершение одного цикла стало началом другого.

Отметим, что в развитии исторической реальности комбинация пушкинских смыслов «Медного всадника» менялась, но их сущность оставалась неизменной, семантически узнаваемой, проявляя в системе взаимосцеплений уже знакомый, выраженный в поэме русский исторический код, или, по определению Ю.М.Лотмана, «культурно-историческое уравнение»,

ядро которого составляют взаимодействующие образы-модели стихии, статуи и человека (5).

Очень характерным выглядит факт, что, говоря о Петре, тот же Н.А.Бердяев называет его приёмы совершенно большевистскими, и в свершившейся революции видит переключку эпох. «Можно было бы сделать сравнение, – отмечает философ, – между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, та же гипертрофия государства..., то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации» (4).

В «Медном всаднике» с использованием арсенала филигранных художественных средств возникает представление о грандиозной внутригосударственной перестройке – революции сверху, и изменении внешнего статуса страны. Поэт передал её трагическую суть косвенным путём – изображение интенсивности бунта стихии характеризовало страшную силу, покорившую её. Средоточие этой силы в зловещей фигуре Медного всадника открывается герою: «Ужасен он в окрестной мгле!/Какая дума на челе!/Какая сила в нём сокрыта!.../О мощный властелин судьбы!/Не так ли ты над самой бездной,/На высоте, уздой железной/Россию поднял на дыбы?» (6, т.3, с.271). За этим кроется невероятное насилие власти над народной жизнью и всей полнотой естественного бытия, когда за величие государства пришлось платить страшную человеческую цену. Отметим, что этот и все другие исторические смыслы в словесно-образной форме «Медного всадника» были отточены Пушкиным до такой степени художественного совершенства, которого литература его времени ещё не знала.

Модель поведения власти, какой предстаёт она в поэме, превзойдя предшествующую европейскую и русскую тираноборческую литературную традицию, в деталях повторила новая власть в России после 1917 года, начиная с «громадья планов» ради светлого будущего. Во всём этом можно увидеть семантику того идеального «пира на просторе», о котором во Вступлении грезит Пётр, глядя вдаль. В реализации этого проекта проявился уже знакомый и осмысленный «Петербуржской повестью» деспотический, безжалостный характер власти, стремящейся подчинить себе всю стихию бытия, что было выражено в поэме символикой камня и воды.

Новый космос был возведён на месте старого, который объявлялся беспросветно-несовершенным. Пушкинский смысл в XX веке повторился: революционным сознанием устоявшаяся реальность объявлялась несущественной и выступала лишь в качестве исходного строительного материала. В строительстве нового мира проявилась осознаваемая поэтом мучительная двойственность. С одной стороны, программа Петра и возведение города при море было отражением насущных российских интересов – «путь, ведущий из прозябания и национальной замкнутости на простор

общечеловеческого становления... в качестве великой державы» (7). Но в том-то и заключался весь трагизм, что совершено это было не благоприятным образом для нации, а со страшным разрушительным экстремизмом власти, её «волей роковой», ценой невероятных усилий и жертв народа.

Всё, что снова случилось с Россией после переломного для неё 1917 года, уже было описано в великой поэме. Из чащ и топей выросстал колоссальный экономический потенциал, государство обретало мощь, размах, и этим можно было гордиться. Но величие и победы сопровождалось эскалацией государственного насилия над основами жизни, губительным беспощадным ударом по генофонду – тем же типом космогонии, о котором говорит «Медный всадник», в её российском созидательно-разрушительном варианте, и тем же неумолимым, надчеловеческим типом власти.

Внешние формы строительства социализма действительно были грандиозны. Обратившись к поэме, мы увидим, что и Пушкин с одическим пафосом описывал во Вступлении красу и диво юного града Петра, стройные громады его дворцов и башен, богатые пристани, державное течение одетой в гранит Невы, золотые небеса, победные воинские рати. Это был образ идеального, странно непротиворечивого, блистательного воплощения великого замысла, гармонии личности и государства («Люблю тебя, Петра творенье»). В дальнейшем ходе повествования он оказывается иллюзорным, поскольку у него была обратная сторона – сохранившаяся на периферии убогость скудной жизни в ветхих домиках, а главное – узел внутренних противоречий, приводящих к катастрофе, в результате которой из произведения исчезают блеск и пафос.

Пушкин развенчивает и официальную идеологию, и обольщения современников – да, город вырос, в нём есть величие, но неустойчивое, эфемерное, чреватое коллизиями. Задолго до возникновения метода социалистического реализма поэт фактически предвосхитил этот принцип в своём одическом Вступлении, и тут же показал его искусственность подлинно реалистическим изображением катастрофы. В социалистической действительности всё случилось в точности по пушкинским смыслам: построенный с невероятным напряжением народных сил космос, окружённый аурой идеологической мифологии, оказался и несовершенен, и противоречив, и уязвим, и губителен для его обитателей. И не выстоял.

Советская эпоха на центральных площадях городов на высоких каменных постаментах, порой стилизованных под броневик, расставляла фигуры вождя в различных вариациях: в кепке и без неё, «с простёртою рукою», с усами и в сапогах и т.д. Ничего нового для России в этом не было, поскольку в новом историческом облике так представал хорошо знакомый ей Медный всадник, реальный прототип которого в официальной идеологической версии своего времени, поддержанной одической литературой, именовался русским богом – «Он Бог, он Бог твой был, Россия!» (М.В.Ломоносов).

Пушкин не просто зеркально копировал историческую данность, но вносил в неё своё нравственное, гуманистическое, историософское осмысление, складывающееся в авторскую аксиологию поэмы. Медного всадника он называет не Богом, а «кумиром», «горделивым истуканом», показывает его пребывающим во мраке. В оценке поэта проявилось стремление выразить квинтэссенцию Петра: в центре нового мира – ложный, подменный бог, претендующий на то, чтобы быть истинным. Он велик в человеческом измерении, поскольку пересоздал этот мир, расширил его пределы, придал культурную обустроенность и великолепие. Но он же тёмн, ужасен для сограждан, тяжка его железная узда, воля его роковая. «Называя его кумиром, – считает известный философ русского зарубежья Г.Федотов, – поэт подчёркивает языческую природу государства». При этом он добавляет очень важное наблюдение: «...Всадник империи имеет в себе нечто демоническое, бесчеловечное...» (8).

И ещё одна значительная грань этого пушкинского смысла: «А в сем коне какой огонь!» Конь огненной природы, по смыслу конь рыжий, – один из четырёх коней Апокалипсиса, означающий войну (9). Это явно война со своим народом власти, обуянной революционным мироощущением «с его устремлённостью в будущее, с жаждой немедленной переделки мира, с желанием отряхнуть прах прошлого со своих ног. Отсюда вытекало неприятие мира насущного, выливавшееся подчас в ненависть» (10).

Неистовство власти во имя идеи государства и собственного величия, блестяще художественно осмысленное Пушкиным, стало историческим бедствием России и в послеоктябрьскую эпоху, усугубившись и представ культ личности и посмертным обожествлением вождя, коллективизацией, голодом, репрессиями, ГУЛАГом, гибельным подневольным трудом на многочисленных стройках социализма. При этом унаследована оказалась и такая, увиденная поэтом, мистическая сущность, когда статуя мёртвого вождя заключала в себе торжество неумолимого принципа, воплощённого в государстве и неизбежно настигающего частного человека, регламентируя его жизнь и карая в случае уклонения или бунта. Это смысл «Медного всадника», связанный с противостоянием «кумира на бронзовом коне» и героя, породил длящийся вокруг них многие десятилетия спор: на чьей стороне Пушкин и за кем из них историческая правота.

Точность повторения в реальности XX века смыслов пушкинского исторического кода порой невероятна. Евгений в поэме – сирота, потомок разгромленного во время петровской революции славного русского рода, предтеча огромного количества сирот советской эпохи, включая «детей врагов народа». В обществе жёсткой регламентации он воплощает в себе идею судьбы личности, подвергшейся процессу огосударствления. Государство назначило ему быть «маленьким человеком», рядовым армии безымянных граждан, нищим безликим обладателем чиновничьей шинели. Рисуя подобное положение своего героя, Пушкин предвосхитил место личности в системе

тоталитарного государства XX века, где ей определено было выполнять функции винтика в государственной машине.

Но человек оказывался больше отведённой ему роли. И когда Евгений

снимает шинель и предаётся мечтаниям о семейном космосе, о независимости и чести, он становится виновен перед властью и подвержен наказанию, которое тут же и происходит. Пушкин показал полную незащитность личности, вторжение роковой силы в её жизнь, воплотил мотив преследования в конкретике и символике образов Медного Всадника-власти и утратившего всё на свете, бегущего Евгения. И не случайно в советскую эпоху эта расстановка сил предельно обнажается, актуализируя пушкинские смыслы и в самой жизни, и в литературе.

К «Медному всаднику» обращается А.Платонов в статье «Пушкин – наш современник», стремясь оправдать Евгения перед величием гиганта-Петра. Влияние текста произведения, ставшего инвариантным, и узнаваемых фигур гонителя и гонимого ощутимо у Е.Замятина, Б.Пастернака, Б.Пильняка, М.Булгакова, Ю.Домбровского, В.Гроссмана, Б.Ямпольского, А.Солженицына и многих других писателей. Это противостояние в русской истории, циклически продолжившееся в новое время, открыл, ввёл в художественный и духовный обиход, и одновременно предсказал будущему Пушкин. Деспотизм власти и ощущение «винтика» в сталинскую эпоху пронзительно выразил поэт: «Мы живём, под собою не чуя страны...», трагическим образом для себя ставший жертвой «тяжелозвонкого скаканья».

Пушкинский Евгений поэмы, а также фактически тот же тип героя, проявляющийся в новое время в своих различных жизненных и литературных ипостасях, стал показателем истинной сущности власти в свете того высокого гуманистического понимания человеческих ценностей, начало которому в культуре России положил Пушкин. Частный человек, оказавшийся перед лицом разверзшейся рукотворной катастрофы, преследуемый неумолимым принципом, предстал обвинением колоссу Петра и его послеоктябрьским преемникам даже несмотря на исполнение ими велений времени с позиций государственных интересов. На другой чаше весов всегда оказывались разрушенный дом и обладатель целого мира мыслей и чувств, погубленный страшной силой.

Пушкин уловил важнейшее свойство человеческой реакции на пренебрежение власти счастьем, жизнями и судьбами обитателей созданного ей мира, её глубокую несправедливость. И если задаться вопросом, повторился ли в конце советской эпохи описанный Пушкиным бунт стихии («Ура, на приступ, злые волны...»), с которого она начиналась в 1917 году, то ответить можно утвердительно. Всё по своему смыслу и результату состоялось, но только совсем в других формах, не имеющих семантики потопа и абсолютно не похожих на вооружённую борьбу трудящихся масс. Вспомним, что в поэме показано, как после наводнения народ восстанавливает привычный («порядок

прежний») жизненный процесс, погрузившись исключительно в свои частные интересы, где не остаётся места государственным.

В последней трети XX века этот смысл «Медного всадника» широко заявил о себе в действительности. Собственно говоря, в этом и заключался своеобразный бунт народа против власти, которая с 1917 года вела с ним гражданскую войну за построение великого и самого справедливого государства. Бунт был не взрывным, а протяжённым и выразился в специфических формах народного поведения. Они являли собою массовое равнодушие к государству, потерю веры в его идеалы, критический скепсис ко всему, связанному с ним, включая властные персоналии, и уход в частную жизнь. Государством пользовались, но не дорожили, хотя у пострадавшей нации оно потребовало за себя самую высокую цену. И потому оно померкло и прекратило вторую после Петра фазу своего существования, в основе которого лежало беспредельное насилие над собственным народом. Так в новой исторической реальности нашли логическое продолжение всепроникающие смыслы «Медного всадника», в очередной раз подтвердив его огромный прогностический потенциал.

Пушкин, находясь в своём историческом времени, понял Россию так, как в тот момент никто другой, и этим фактически предсказал её грядущую судьбу в образной системе уникального литературного творения. Исследование поэмы «Медный всадник» далеко не завершено и может принести ещё много открытий в постижении проникновенного пушкинского гения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осповат А.Л., Тименчик Р.Д. «Печальную повесть сохранить...». – М.: Книга, 1987. – С.16.
2. Франк С.Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. – С.412.
3. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. – С.211.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С. 108, 12.
5. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С.128.
6. Пушкин А.С. Собр. соч.: В десяти т. Т. III. – М.: Правда, 1981.
7. Андреев Д.Л. Роза мира. Метафилософия истории. – М.: Руссико, 1991. – С.153.
8. Федотов Г. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. – С.361.
9. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М.: АСТ, 2001. – С.88.
10. Голубков М.М. Русская литература XX века: После раскола. – М.: Аспект, 2002. – С.19.

Аннотация

Перзеке А.Б. Судьба России в магическом кристалле поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник».

В статье рассматривается творение А.С.Пушкина как художественный код, благодаря особым свойствам авторского гения воплощающий в себе основные алгоритмы исторической судьбы России. В центре внимания пушкинское историософское понимание и воплощение в формах поэтики образных смыслов, связанных со стихийным и образованным бунтом, деспотической властью, космогонией, суверенной личностью, национальной катастрофой, и их точное повторение в российской реальности XX века. Делается вывод об уникальной природе поэмы, её особом месте в русской культуре.

Художественный код, повторение смыслов, власть, бунт, личность.

Анотація

Перзеке А.Б. Доля Росії у магічному кристалі поеми О.С.Пушкіна «Мідний вершник».

У статті розглядається творіння О.С.Пушкіна як художній код, завдяки особливим властивостям авторського генія, що втілює в себе основні алгоритми історичної долі Росії. В центрі уваги пушкінське історіософське розуміння і втілення у формах поетики образних змістів, що пов'язані із стихійним і освітченим бунтом, деспотичною владою, космогонією, суверенною особистістю, національною катастрофою, та їх точне повторення у російській реальності XX сторіччя. Робиться висновок про унікальність поеми, її особливе місце в російській культурі.

Художній код, повторення смислів, влада, бунт, особистість.

Annotation

A.B. Perzeke The fortune of Russia in the magic crystal of A. S. Pushkin's poem "Copper Rider" ("Medniy Vsadnyk").

The paper views A. S. Pushkin's creation as an artistic code that embodies the basic algorithms of historic fortune of Russia due to specific features of its author's genius. Pushkin's historical and philosophical understanding and realization in the forms of poetics of figurative meanings connected with elemental and artificial riot, oppressive rule, cosmogony, independent personality, national catastrophe, and their exact reiteration in the Russian reality of the 20th century is the focus of attention. A conclusion about the unique character of the poem and its special place in Russian culture is made.

Artistic code, the reiteration of the meanings, rule, riot, personality.

Рецензент Выбрик Е.В. – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой зарубежной литературы и компаративистики Кировоградского государственного педагогического университета им. В.Винниченко.